

Н. В. ПЕРЦОВ

**ИНВАРИАНТЫ
В РУССКОМ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ**

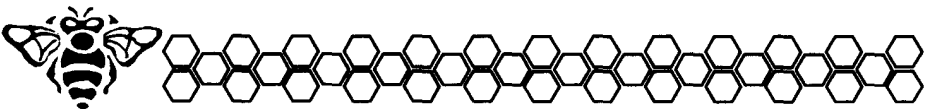

Международный семинар Диалог'2000
по компьютерной лингвистике
и ее приложениям.

Протвино, 4 июня 2000 г.

STUDIA PHILOLOGICA

Н. В. ПЕРЦОВ

ИНВАРИАНТЫ
В РУССКОМ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2001

ББК 81.2Рус-2
П 26

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)
проект 00-06-87012

Перцов Н. В.

П 26 **Инварианты в русском словоизменении.** – М.: Языки русской культуры, 2001. – 280 с. – (Studia philologica).

ISBN 5-7859-0200-1

В книге изложена теоретическая концепция описания русского словоизменения в рамках инвариантного подхода к языковым значениям. Под инвариантом многозначной языковой единицы автор понимает общее содержание, объединяющее разные ее значения, проявляющиеся в разных языковых или ситуативных контекстах; это общее содержание осознается носителями языка. Теоретически обосновывается и иллюстрируется тезис об отсутствии в общем случае свойства обязательности у словоизменительного значения; предлагаются эвристические критерии разграничения словоизменения и словообразования, причем критерий обязательности грамматического значения выступает лишь как один из возможных (хотя и весьма весомый). Дается авторская трактовка системы русских словоизменительных значений, в число которых включены значения, обычно не относящиеся к словоизменению, — изолированные внекатегориальные словоизменительные значения (квазиграммемы). Для граммем числа существительного, глагольного времени и императива предлагаются формулировки инвариантов и демонстрируются связи между инвариантами и частными интерпретациями граммем.

ББК 81.2Рус-2

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0200-1

9 785785 902008 >

© Н. В. Перцов, 2001

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11
Введение	19
Глава I. ОБЩИЙ СТАТУС ИНВАРИАНТА ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ	22
1. Какие языковые феномены могут охватываться теорией инвариантности?	22
2. Частные проблемы теории инвариантности	23
3. Отдельные опыты поиска инвариантов; разброс мнений об инварианте	25
4. Сильная и слабая ипостаси инварианта	35
5. Материалы к инвариантному описанию лексических значений	35
6. О природе семантического инварианта грамматического значения	44
7. Вопрос о проявлении инварианта в особой синтаксической и лексической обстановке	48
8. О семантическом метаязыке	49
8.1. Вопрос о статусе естественного языка в роли собствен- ного метаязыка	50
8.2. Вопрос о субституции как основном способе верифика- ции толкований	57
Примечания	61
Глава II. КРИТЕРИИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ	69
1. О концепции грамматического как обязательного	70
2. Противопоставление грамматического и неграмматического в языке	80
Отступление. О парадоксах лингвистических понятий и терминологии	81
3. Языковой материал	84
4. Возможная стратегия экспликации понятий словоизменения и словообразования	91

Эвристические критерии противопоставления грамматического и лексического в языке	94
А. Основной перечень критериев	94
Б. Дополнительный перечень критериев	104
Примечания	107

ГЛАВА III. ОЧЕРК СИСТЕМЫ РУССКОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ:

ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ	112
1. Словоизменительные категории и значения	112
2. Словоизменительные значения существительного	114
3. Словоизменительные значения прилагательного	116
3.1. Атрибутивность	116
3.2. Число, падеж, род, одушевленность	116
3.3. Квазиграммема сравнительной степени (компаратива)	117
4. Словоизменительные значения наречия	118
5. Словоизменительные значения числительного	118
6. Словоизменительные значения глагола	118
6.1. Репрезентация	118
6.2. Вид	119
6.2.1. Об установлении видовой принадлежности русского глагола и о двувидовых глаголах	119
6.2.2. О функциональном критерии видовой коррелятивности	124
6.2.3. Русский вид: словоизменение или словообразование?	128
6.2.4. Префиксальная перфективация	139
6.2.5. К вопросу об инвариантах видовых граммем	142
6.3. Залог. Возвратность	144
6.4. Наклонение	146
6.5. Глагольное время. О двух способах описания русской видовременной системы	147
6.6. Число, лицо, род	152
6.7. Квазиграммема 'побуждение к совместному действию'	153
6.8. Квазиграммема 'фамилярное побуждение'	154
7. Пограничные явления (словоизменение или словообразование?)	160
7.1. Отадъективные наречия	160
7.2. Аттenuативная сравнительная степень	161
7.3. Словоформы с префиксальным отрицанием (СПО). Феномен словообразования «от части парадигмы»	161
8. О возможности квазиграммемной трактовки некоторых грамматических явлений в русском языке	163
Примечания	165

Глава IV. ИНВАРИАНТЫ И ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ГРАММЕМ ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО	171
1. Инварианты граммем числа существительного	171
2. Непрямые значения единственного числа	173
3. Коннотации инвариантов числовых граммем и непрямые значения множественного числа	173
4. Интерпретация числа у <i>pluralia tantum</i>	181
Примечания	183
Глава V. ИНВАРИАНТЫ И ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ГРАММЕМ ГЛАГОЛЬНОГО ВРЕМЕНИ	185
1. Временные ориентиры глагольной ситуации	185
2. Инварианты граммем глагольного времени	192
Отступление. О нарративном режиме интерпретации глагольного времени	194
3. Непрямые значения глагольных времен	196
4. О шифтерном статусе русского глагольного времени	215
Примечания	216
Глава VI. ИНВАРИАНТ И ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ИМПЕРАТИВА	221
1. Инвариант императива	221
2. Синтаксическая или лексическая обусловленность интерпре- тации императива	230
3. Непрямые значения императива	231
Примечания	240
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	245
1. О лингвистической эвристике	245
2. Основные выводы и результаты работы	246
ЛИТЕРАТУРА	251
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	275

Инвариантность — это неизменность среди изменения, постоянство в мире непрерывной смены, сохранение конфигураций, остающихся одними и теми же, несмотря на водоворот и давление неисчислимых множеств причудливых трансформаций.

Э. Т. Белл [1945] (цит. по [Shaumyan 1998])

Решающая процедура научного исследования различных уровней языковой структуры состоит в последовательном выявлении и идентификации относительных инвариантов из всего многообразия вариаций. (...) постоянное, всеобъемлющее, исполненное глубокого смысла взаимодействие инвариантов и вариантов оказывается существенным, сокровенным свойством языка на всех его уровнях.

Р. О. Якобсон [1985в: 310]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из заглавия книги ясно, что ключевым в ней является понятие ИНВАРИАНТА языковой единицы, и поэтому есть смысл в самом начале эскизно изложить общее представление автора о сущности и применимости этого понятия.

Естественный язык пронизан неоднозначностью и полифункциональностью на всех уровнях. Один и тот же звук (например, [т]) может соотноситься с разными единицами морфонологического уровня (морфемами ⟨т⟩ или ⟨д⟩ в словоформах *кот* и *код* соответственно); одна и та же фонемная цепочка (например, /код/ или /у/) может выступать в качестве означающего разных знаков (соответственно — основ в словоформах *кодом* и *кодой* или окончаний в словоформах *столу*, *пургу*, *кричу*); одна и та же совокупность фонемных цепочек, понимаемых как означающие словоформ (например, множество {/стапа́/, /стапы́/, /стап'е́/, ..., /сто́пы/, ..., /сто́пах/}), может «обслуживать» разные единицы словаря (СТОПА 'часть ноги' vs. СТОПА 'единица стиха'); одна и та же поверхностная синтаксическая конструкция — например, конструкция «подлежащее + сказуемое» — может выражать разные семантические отношения: «агенса + действие» — *Отец рубит дрова*; «пациенса + действие» — *Дом строится рабочими*; «носитель состояния + состояние» — *Мальчик спит*; «объект чувства или отношения + чувство или отношение» — *Этот напев мне нравится*; и др. К этому перечню можно добавить и менее очевидные случаи: некоторая морфологическая единица (например, *-ник*) может рассматриваться как совокупность разных знаков — полисемичных суффиксов, но допускает и объединение последних с точки зрения возможного сходства их означаемых (подкрепленного тождеством означающих); некоторое грамматическое значение (например, значение настоящего времени русского глагола) может соотноситься с целым спектром разных содержательных интерпретаций, среди которых синхронность с моментом речи (*Смотри: Илья идет*), или перенос в прошлое, изображаемое наглядно-ярко (*Вчера вижу: Илья идет*), или запланированное будущее действие (*Завтра Илья идет на концерт*), или внешне «вневременное» описание положения вещей (*Этот цвет ему идет; Лошади едят овес*). В такого рода случаях, когда мы сталкиваемся с неоднозначностью грамме-мы, естественнее говорить не о полисемии единицы (это свойство двусторонних единиц, грамма же в настоящей работе трактуется как односторонняя единица), а о полифункциональности; впрочем, в дальнейшем

изложении мы не будем строго придерживаться намеченного разграничения.

Языковая неоднозначность может и не быть связанной с отдельной языковой единицей (как во всех предшествующих случаях); она может проявляться на отрезке текста, выходящем за пределы словоформы. Таковы синтаксическая неоднозначность (при установлении синтаксических связей между словоформами), анафорическая неоднозначность (неоднозначное соотнесение местоимения и его возможного antecedента), неоднозначность просодического контура фразы (одна и та же интонационная конструкция может соответствовать разным содержаниям, например, восходящая интонация определенного рода может обслуживать вопрос или удивление).

Встает естественный вопрос о способе описания неоднозначных единиц. Для одних единиц общность означающего их разных «манифестаций» носит очевидным образом случайный характер (если принимать во внимание только синхронию), и их необходимо описывать как омонимы (таковы, например, упомянутые выше омонимичные окончания *-y*). Другие единицы, помимо тождества внешней стороны, обнаруживают и некоторую содержательную общность, ощущаемую носителями языка. В таких случаях говорят о полисемичных единицах.

Понятие инварианта, разумеется, касается только единиц полисемичных или полифункциональных. Под инвариантом каждой такой единицы автор понимает общее содержание, объединяющее разные интерпретации соответствующей единицы или соответствующего значения, проявляющиеся в разных языковых или ситуативных контекстах; это общее содержание в какой-то мере осознается носителями языка. Инварианты языковых единиц, а также их частные интерпретации, могут быть отражены (постулированы) в определенных научных конструктах.

Автор не настаивает на том, что во всех случаях полисемии или полифункциональности непременно имеет место семантическая инвариантность языковой единицы (хотя внутреннее, «донаучное», ощущение носителя языка склоняет автора к убеждению, что в большинстве своем полисемичные единицы языка инвариантны). Пафос настоящей книги в ином. Он состоит в демонстрации объяснительной силы инвариантного подхода к описанию плана содержания в языке. Автор надеется, что многие читатели, скептически относящиеся к семантическим инвариантам или еще не определившиеся, прочитав эту книгу, изменят свое отношение на благоприятное.

После публикации статьи [Перцов 1996], содержащей критику некоторых популярных в современной семантике концепций и, в частности, отстаивающей плодотворность инвариантной установки при описании лексических значений, у некоторых коллег сложилось впечатление, что я

являюсь «противником атомарного задания лексических значений, установки на дробление этих значений» [Санников 1999: 181]. Мне хотелось бы разъяснить свою позицию по этому поводу.

Я ни в коей мере не отрицаю наличие разных значений у полисемичной единицы. Если под атомарным подходом понимать выделение частных значений, то я никоим образом не являюсь его противником. Но если атомарный подход ограничивается вычленением частных значений, если он игнорирует то обстоятельство, что многие единицы обнаруживают общность, которая, будучи несводимой к локальным связям между значениями или к правилам перехода от одного значения к другому, панорамно и глобально связывает все частные значения, отражается в языковой интуиции, в языковой игре, в поэтическом употреблении языковых единиц, — то научный ригоризм ТАКОГО атомарного подхода на современном этапе науки о языке вызывает у меня критическое отношение, если не сказать отторжение, ибо я убежден, что семантическая общность многозначных единиц языка должна быть явно отражена в описании как некая ЕДИНАЯ СУЩНОСТЬ, а не как набор локальных связей или правил.

Конечно, при любой установке необходимо рассматривать частные значения полисемичной единицы, ибо одно лишь «укрупнение» значений слов неизбежно привело бы к огрублению семантического описания, игнорированию важных компонентов смысла» [Санников 1999: 181–182]. При поиске лексических инвариантов я использую лексикографические описания «атомщиков» (выражение В. З. Санникова). Однако я никак не могу согласиться с В. З. Санниковым в том, что «речь, в сущности, идет не о принципиально различных подходах, а об акцентах», и что, используя в своих поисках инварианта глагола *выйти / выходить* его лексикографический портрет, предложенный Ю. Д. Апресяном [1995и], я меняю «лишь акценты в описании богатого фактического материала, приводимого Апресяном» [Санников 1999: 182]. Говорить о смещении акцентов было бы уместно в том случае, если бы в упомянутом лексикографическом портрете, наряду с частными значениями глагола, был бы как-то задан и сам инвариант, если бы была по крайней мере упомянута проблема поиска такого инварианта. Однако этого в описании Ю. Д. Апресяна нет; в его комментариях, предваряющих словарную статью, просматриваются лишь контуры инварианта [Перцов 1996: 41]; при этом в самом описании не соблюдены даже налагаемые на себя «атомщиками» требования обеспечения локальной связанности частных значений (подробнее см. гл. I, разд. 5).

Учет частных значений необходим, но НЕ ДОСТАТОЧЕН. «Атомщики», нередко соглашаясь с «полезностью инварианта» [Санников 1999: 181] для вокабулы — словарной единицы, охватывающей разные лексические значения, — в своей реальной лексикографической практике почти никогда не стремятся его выявить, удовлетворяясь лишь группировкой значений, от-

ражающих их близость, и установлением связей между значениями — либо посредством нетривиальных семантических компонентов в толковании значений («семантических мостов» в теории «Смысл \leftrightarrow Текст» [Mel'čuk et al. 1995] и в Московской семантической школе [Апресян 1999б: 636]), либо посредством моделей «семантической деривации», как у Е. В. Падучевой [1998б, в]. В первом случае для отображения семантической общности вариантов в составе вокабулы требуется наличие у произвольных ее членов общего нетривиального семантического компонента («семантического моста») или цепочки промежуточных членов, в которой смежные звенья связаны «семантическими мостами». Во втором случае вводятся правила вывода одного значения из другого, которые задают общность значений полисемичной единицы. Поскольку при такого рода подходах для установления единства членов одной вокабулы вполне достаточно наличия цепочки связей у произвольной пары таких членов, эти подходы в рабочем порядке уместнее называть «цепочечными» (или «атомарно-цепочечными»), нежели «атомарными».

В отличие от (атомарно-)цепочечных подходов, инвариантный подход, как его понимает автор настоящей работы, предполагает совершенно другой способ установления семантического единства слова. При инвариантном описании полисемичной единицы естественно брать за основу атомарно-цепочечное описание, осуществленное другим автором (с обоснованными поправками, если нужно), либо иметь по меньшей мере набросок такого описания. Очевидно, что без анализа частных употреблений, частных значений и их компактной и четкой подачи никакой адекватный инвариант сформулировать невозможно. Одного этого уже достаточно, чтобы понять, что цепочечный подход никоим образом не отменяется инвариантным: оба они отражают важные аспекты строения полисемичных единиц. Цепочечный подход отображает множественность интерпретаций единицы и их локальные семантические связи, инвариантный устанавливает их общность — в тех случаях, когда такая общность действительно существует. Цепочечный подход нацелен скорее на выявление деталей, инвариантный — на выявление единства. И то и другое нужно для познания природы языковой неоднозначности.

Однако, на мой взгляд, неприятности, проистекающие от увлечения атомарно-цепочечным подходом, неизмеримо серьезнее, нежели недостатки такого инвариантного описания, которое не поддержано скрупулезной инвентаризацией частных употреблений языковой единицы. Мне уже приходилось указывать [Перцов 1996], в какие дебри могут завести дробные, механистичные лексикографические описания, лишённые контроля со стороны общего, панорамного взгляда на слово. Авторы таких описаний за деревьями частных значений нередко не видят леса — скрепляющего их инварианта; подчас некоторые значения у них остаются одиночными, изолированными, не связанными с основной цепочкой. При излишней дробно-

сти значений представляемый таким образом материал бывает непросто использовать для извлечения соответствующего инварианта: возникает ситуация «embarras de richesses» — затруднения от избытка.

Напомню, что при инвариантном подходе речь не идет о случаях омонимии или такой диахронически мотивированной полисемии, классическим примером которой может служить полисемия слова *левый* [Апресян 1974: 182] — в значениях пространственных (*левая рука, сторона* и т. п.), в «политическом» («радикальный») и в просторечном («незаконный») смысле. Для случаев последнего типа я пока не вижу других способов отражения общности частных значений, кроме цепочечного подхода. Но в очень большом числе случаев, когда цепочечный подход останавливается на фиксации пошагово связанной совокупности частных значений, автор настоящей работы склонен усматривать глубинную общность этих последних; эту общность и призван отражать инвариант, постулируемый для соответствующей вокабулы. (Реальные примеры таких лексических инвариантов, не распознаваемых при цепочечном подходе, читатель найдет в разделе 5 главы I.)

При изучении содержания полисемичной единицы автору представляется оптимальной стратегия сочетания панорамно-инвариантного и частно-локального взгляда. Опыт, вынесенный автором из описания конкретных лексических и грамматических значений в языке, свидетельствует, что на начальной стадии исследования целесообразно формирование и фиксация предварительного представления об инварианте — с последующим рассмотрением частных употреблений единицы и ее значений, что, как правило, приводит к коррекции инварианта. Скорректированный инвариант иногда требует изменений в составе и трактовке частных значений. Приоритеты и последовательность операций могут быть иными — существенно взаимодействие и взаимовлияние инвариантного и локального направлений описания, своего рода «челночное» движение между общим и частным. Игнорирование инварианта и сосредоточенность на локальных значениях приводит к затемнению реальной картины.

Данная книга, однако, нацелена не на лексические инварианты, а на инварианты полифункциональных грамматических единиц, а именно на инварианты грамем в сфере русского словоизменения. Автор не может и не хочет скрыть от читателя свою убежденность, что, в отличие от лексических и от двусторонних морфологических единиц, для которых вполне нормален феномен омонимии, в словоизменительной морфологии любая односторонняя единица — грамма (и квазиграмма — см. гл. II, разд. 3) — ДОЛЖНА обладать семантическим инвариантом по самой своей природе, коль скоро она является семантически (а не синтаксически) ориентированной. Таковы в разных языках словоизменительные значения

числа и определенности существительного, сравнительной степени прилагательного, наклонения, вида, времени, очевидности (эвиденциальности) глагола. Вопрос об инварианте синтаксически ориентированных значений — типа падежа, изафета, адъективного и глагольного числа и рода, глагольного лица и т. п. — осложняется тем, что в данной сфере необходимо специальное осмысление самого понятия инварианта (дополнительные соображения на этот счет см. в гл. III).

Автору кажется упрощенным и противоречащим интуиции описание, скажем, семантики русского настоящего времени или императива как простого соединения разнородных значений, пусть среди них и выделяется главное, основное, прототипическое. Такое описание согласуется с трактовкой грамматического значения как простой «грамматической этикетки», интерпретируемой в виде «пучка соответствий между множеством тех или иных смыслов и множеством тех или иных показателей» [Мельчук 1997: 263–264] (на с. 308 книги И. А. Мельчука приводится описание «этикетки» для русского настоящего времени в виде четырех альтернативных семантических сетей, причем даже не указывается, которая из них главная).

Разумеется, убеждение автора об обязательной инвариантности любого семантически ориентированного словоизменительного значения есть не что иное, как гипотеза: ее можно подкреплять конкретными описаниями грамматических значений или типологическими исследованиями. Не вполне ясно, как можно эту гипотезу опровергнуть, поскольку неизвестно, как надо обосновывать отсутствие инварианта. Поэтому не исключено, что данная гипотеза представляет собой нефальсифицируемое утверждение (в смысле К. Поппера); если так, то ее теоретическая ценность оказывается под сомнением. Однако данное убеждение можно рассматривать просто как эвристическую установку, хочется надеяться, не менее плодотворную, чем всякая другая установка на поиск общности внешне разнородных объектов.

Коснусь также вопроса о том, могут ли совпадать инварианты для разных единиц. Мне кажется, теоретических препонов для этого нет никаких. В языке весьма редки точные или почти точные синонимы, но все-таки они встречаются: например, *бегемот* ~ *гиппопотам*, *пума* ~ *кугуар*, *бросать* ~ *кидать*, суффиксы *-тель* ~ *-щик*, *-иц(а)* ~ *-их(а)* и др. Поэтому мне представляется, что и в явлении, так сказать, «инвариантной синонимии» нет ничего противоречащего природе языка. Однако инварианты словоизменительных значений, по всей видимости, индивидуальны. Мы можем представить себе синонимию двух словоизменительных показателей (допустим, дополнительно распределенных окончаний), но это будет не совпадение инвариантов, а синонимия двух разных знаков. Но мы с трудом можем представить себе наличие в языке двух многозначных словоизменительных единиц с полностью тождественными инварианта-

ми. Впрочем, для обоснования тех или иных предположений необходим гораздо больший опыт инвариантного описания лексических и грамматических значений, чем тот, которым мы пока располагаем.

Скажу несколько слов о строении книги. Краткое введение отчасти развивает некоторые мысли предисловия. Глава I рассматривает общие проблемы инвариантного подхода; в ней, в частности, приводятся примеры инвариантного описания лексических значений, а также критически рассматриваются концепции, ограничивающиеся цепочечным подходом. Поскольку книга нацелена в основном на описание словоизменения, в главе II исследуется онтология этого языкового феномена: здесь делается попытка разграничения словоизменения и словообразования с помощью многофакторной шкалы, заданной рядом эвристических критериев; существенное место в этой главе занимает опровержение известного тезиса о непременной обязательности грамматического значения. Глава III представляет собой сжатый обзор плана содержания русского словоизменения: здесь дана авторская трактовка системы русских словоизменятельных значений (особое внимание уделяется некоторым спорным вопросам). Главы IV–VI посвящены инвариантам и частным значениям отдельных русских граммем: субстантивного числа, глагольного времени и императива. Эти главы можно считать центральными (все остальное носит, в определенном смысле, вспомогательный характер). В них автор по мере сил старается продемонстрировать глубинную общность разнородных смысловых интерпретаций граммем: сначала устанавливаются их инварианты, а затем частные значения последовательно рассматриваются с точки зрения их соотношенности с инвариантами. Книгу завершает заключение, в первом разделе которого высказываются соображения об эвристическом характере большинства утверждений современной семантики, а во втором — кратко формулируются основные выводы и результаты исследования.

Завершу предисловие словами благодарности.

Концепция, в рамках которой долгое время формировалось мое лингвистическое мировоззрение, — это теория лингвистических моделей «Смысл \iff Текст» И. А. Мельчука. И хотя я вышел из числа прямых последователей этого выдающегося ученого, я не могу не сказать, как глубоко благодарен ему и за научное, и за житейское влияние, и за суровую критику некоторых частей настоящей работы, публиковавшихся в виде отдельных статей. Эта критика мне существенно помогла, так же, как критика Ю. Д. Апресяна, который подверг строгому разбору предварительный текст моей работы про время и императив, или М. Я. Гловинской, которая прочла в качестве рецензента текст диссертации, положенной в основу этой книги: были исправлены некоторые неудачные места,

более четко сформулированы отдельные положения, в ряде случаев изменена терминология. К сожалению, я не смог существенно переубедить моих критиков, но для меня их суровость оказалась в высшей степени полезной, несмотря на то, что по принципиальным пунктам я остался при своих убеждениях.

Я признателен читателям моих статей по темам книги, выходявших с 1996 по 1999 гг., и читателям ее предварительного текста, высказавшим мне свои замечания: В. В. Гуревичу, А. Е. Кибрику, Е. С. Копорской, А. Д. Кошелеву, Л. П. Крысину, Т. М. Николаевой, В. А. Плунгяну, Т. Е. Янко.

Научная деятельность нередко чахнет без делового и заинтересованного обсуждения. Мне многое дали содержательные беседы с А. Д. Кошелевым, В. А. Плунгяном, А. К. Поливановой, С. А. Старостиным. Большое им спасибо за их вклад в мою работу.

Наконец, особую благодарность я хотел бы выразить моей жене Н. Н. Перцовой, которая соединила в себе читателя, собеседника, критика и вдохновителя этой работы. Может быть, мой отход от атомистически ориентированной семантики произошел бы гораздо позже, если бы не ее исследования лексических инвариантов, проведенные во второй половине 1980-х годов. Именно они обнаружили для меня недостаточность тех методов, которые фиксируют только значения слова и связи между ними. Думаю, рано или поздно я пришел бы к этому сам, но благодаря ее влиянию это случилось гораздо раньше. И, конечно, неоценимой была ее реакция на мои построения: лингвисту очень важно непосредственно получать реакцию информанта и специалиста, объединенных в одном лице*.

* Автор признателен А. Д. Кошелеву и М. И. Шапиру за ценные замечания к предварительным версиям данного предисловия.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из характерных черт естественного языка, отличающих его от формальных искусственных языков (языков программирования, языков математических дисциплин, языка химии и т. п.), является неоднозначность его единиц на разных уровнях: неоднозначность аффиксов, корней, основ, синтаксическая неоднозначность предложения, множественность интерпретаций одной и той же интонационной конструкции. Ярче всего неоднозначность проявляется в словарях, раскрывая которые мы обнаруживаем лишь в редких случаях словарные статьи, содержащие лишь ОДНО значение описываемой вокабулы. При этом в подавляющем большинстве случаев при чтении словарной статьи неоднозначной вокабулы мы интуитивно воспринимаем некую общность, свойственную разным лексемам в ее составе и при этом зачастую не поддающуюся экспликации. Собственно, именно эта интуитивно воспринимаемая общность и служит оправданием описания разных лексем в рамках одной словарной статьи. В массовых словарях эта общность не выступает в качестве объекта специального внимания лексикографа: вопрос об основаниях включения словарных фрагментов, соответствующих отдельным лексическим значениям, в единую словарную статью просто не ставится.

Терминологическое отступление

В самом начале изложения автор хотел бы обратить внимание читателя на терминологический казус, связанный с терминами *вокабула* и *лексема*. В новейшей литературе первый часто связывают с цельным содержанием словарной статьи (т. е. со словом во всей совокупности его значений), второй — с фрагментом словарной статьи, описывающим конкретное лексическое значение (с конкретным значением слова). Другие наименования для соответствующих понятий: для первого — «(словарное) слово», для второго — «лексико-семантический вариант», «значение слова». Автор чистосердечно признается, что его не удовлетворяет ни одна из пар наименований: в пользу и против каждого у меня есть особые соображения, подробно излагать которые здесь представляется неуместным. Любопытно, что в столь важной «точке» концептуальной системы отечественной лингвистики мы не располагаем общепринятыми и удобными во всех отношениях терминологическими обозначениями. (О некоторых других несообразностях и неблагоприятии в лингвистической терминологии говорится в Отступлении раздела 2 Гл. II.) Автор принимает решение следовать привычной для него терминологической практике в выборе пары «вокабула, лексема», сознавая ее недостатки (слово «вокабула» выглядит несколько технично, будучи нагружено ассоциациями обучения — *учит вокабулы* — или полиграфии; суффикс «-ема» в слове «лексема» говорит скорее в пользу отнесения соответствующей единицы к словарной статье, нежели к ее частному значению).

Аналогичным образом, при восприятии единиц, выражающих одно и то же грамматическое значение, носитель языка и исследователь зачастую усматривают смысловую общность. Известно, сколь полифункциональным может быть грамматическое значение. Если обратиться к разделам грамматик, описывающим план содержания грамматических категорий, или к исследованиям, посвященным функциям грамматических категорий, мы нередко находим в них пространные списки частных значений граммем, а среди этих значений оказываются такие, которые никак не связаны с главными значениями соответствующей грамлеммы. Иногда подобные списки разделяются на две части: прямые значения (употребления) грамлеммы, обнаруживающие внутреннее родство с основным значением, и не прямые значения (употребления), подаваемые как не имеющие с этим основным значением ничего общего и нередко реализующиеся в особых синтаксических контекстах или при соединении с особым кругом лексем.

Вопрос об общности разных интерпретаций языковой единицы и об отображении этой общности в лингвистическом описании составляет суть теории инвариантности / вариативности, которую в отечественной лингвистике принято связывать с известной работой Р. О. Jakobsona об общих значениях русских падежей [Jakobson 1936]. Jakobson относит зарождение этой теории к 70-м годам XIX века, к деятельности представителей Казанской лингвистической школы И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского, сближая идеи об инвариантности в языке с математическими концепциями того периода. На рубеже веков теория инвариантности дала первые плоды в учении о фонеме и ее вариантах (аллофонах). Что же касается перенесения основных идей этой теории в области морфологии и лексической семантики, следует признать, что в аспекте установления инвариантов языковых единиц в указанных областях ничего аналогичного достижениям фонологии не было. До сих пор остается актуальным призыв Р. О. Jakobsona сорокалетней давности:

«Если в лингвистике первый этап этих новых исканий [исследований проблемы инвариантности] дал начало учению о фонеме, т. е. об инварианте в плоскости звуковых вариаций, то теперь назрела настоятельная необходимость установить и истолковать инварианты грамматические. Издавна справедливо разграничивая две грамматические области — синтаксис и морфологию — и, сверх того, принципиально отмежевывая грамматику от лексики, языкознание все еще не поставило с надлежащей остротой и последовательностью топологический вопрос о тех свойствах каждой данной морфологической категории, которые остаются неизменными при всех наличных вариациях, или, точнее, вопрос об инвариантном отношении между двумя противоположными морфологическими категориями, не зависящими от их появления в той или иной лексической и синтаксической обстановке» [Jakobson 1985a: 177].

Выяснение поставленного Р. О. Jakobsonом вопроса в применении к некоторым словоизменительным значениям русского языка и составляет